

Библиографические ссылки

1. **Фромм Э.** Здоровое общество / Э. Фромм // Мужчина и женщина. – М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1998. – С. 129–452.
2. **Фромм Э.** Человек для себя / Э. Фромм. – Мн. : Коллегиум, 1992. – 175 с.
3. **Фромм Э.** Человек одинок / Э. Фромм // Иностранная литература. – 1966. – № 1. – С. 230–233.

Надійшла до редколегії 10.01.11

УДК 130

В. Э. Закревский

*Южный научный центр Национальной академии педагогических наук Украины
(м. Одесса)*

СОЦИАЛЬНЫЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ

Здійснено короткий соціально-філософський аналіз соціально-етичного обґрунтування історії ХХ століття. Зроблено висновки про нерациональність стратегічних рішень політичних еліт великих держав під час Другої світової війни. Автором доведено, що постмодернізм є тупиковою гілкою сучасного суспільствознавства.

Ключові слова: соціальний постмодернізм, філософський постмодернізм, соціальна етика, ціннісно-нормативний хаос.

Существлен краткий социально-философский анализ социально-этической состоятельности истории XX столетия. Сделаны выводы о нерациональности стратегических решений политических элит великих держав во время Второй мировой войны. Автором доказано, что постмодернизм является тупиковой ветвью современного обществознания.

Ключевые слова: социальный постмодернизм, философский постмодернизм, социальная этика, ценностно-нормативный хаос.

The paper carried a brief socio-philosophical analysis of the social and ethical soundness history of the twentieth century. Conclusions about the irrationality of the strategic decisions of political elites of the Great Powers during the Second World War. The author has proved that postmodernism is a dead-end branch of modern social science.

Keywords: social postmodernism, philosophical postmodernism, social ethics, value-normative chaos.

Введение. Проблемное поле работы четко определено современным обществознанием. Достаточно ли оснований для того, чтобы утверждать, что модерну «рацио» присуще в большей мере, нежели постмодерну? Является ли постмодернизм адекватным отражением постмодерна и находится ли данное постклассическое учение в интеллектуальном пространстве академической философии? Каковы особенности взаимосвязи постмодерна и постмодернизма?

Задачи. Представляется целесообразным проанализировать особенности исторического процесса в XX столетии, обусловившие конец эпохи модерна и переход к постмодерну.

Процессы трансформации национальной идентичности исследованы авторами дальнего зарубежья (К. Меррем, А. Мартинелли, Е. Смит, З. Миллнер, Я. Штеббе и др.), ближнего зарубежья (И. Симоненко, В. Иноземцев, А. Шипилов, Ю. Шабаев, П. Садихин, Н. Шилов, Ю. Арутюнян и др.), Украины – П. Гнатенко, О. Попова, В. Левицкий, О. Добржанская, Козловец, М. Минаков, Р. Джангужин, Н. Горло, Н. Макаренко и др.) Проблематика соотношения модерна и постмодерна нашла отражение в трудах нижеперечисленных исследо-

вателей. *Дальнее зарубежье*: Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, М. Фуко, В. Вельш, Х. Кюннг, Д. Кампер, Б. Гройс, К. Аппель, А. Козловски, С. Сулейман, А. Барт, Р. Рорти, А. Хайсен, И. Хасан, А. Макинтайр, М. Мак-Люен, М. Роз, М. Шульц, Ф. Гваттари, У. Эко; *Украина*: Н. Михальченко, Г. Зинченко, В. Лях, В. Лукьянец, О. Соболь, В. Табачковский, И. Цехмистро, В. Ярошевец, М. Савельева, О. Хома, В. Огороков, С. Куцепал; *Россия*: Л. Андреев, О. Вайнштейн, С. Зенкин, Г. Косыков, В. Курицын, Л. Маркова, П. Филипов, А. Якимович, В. Бычков, И. Ильин, В. Курицын, В. Подорога, М. Рыклин, М. Эпштейн. Б. Ямпольский.

1. *Социальный постмодернизм*. Безусловно, трансформация национальной идентичности, достаточно четко определившаяся в последние десятилетия, является одной из основных детерминант постмодерного состояния мирового социума. Экономическая глобализация, сметающая границы государств, формирует своеобразный конгломерат этнонациональных общностей, неведомых ранее человечеству. Признав свершившимся историческим фактом глобализацию, надо было бы признать и наличие ее субъектов. Однако данной стороне вопроса исследователями уделяется гораздо меньше внимания, нежели анонимно-безымянным глобализационным процессам.

Нет достаточных оснований утверждать, что культурная интервенция представляет собой однозначно негативное явление. Как свидетельствует исторический опыт, коренное население (Средняя Азия, Кавказ) овладевает языком колонизаторов. Интеллигенция приобщается к культуре поработителей, либо происходит смешение культур (турецкое иго в Болгарии). Однако негативных последствий экономико-культурной экспансии «сильных» против «слабых» гораздо больше, нежели позитивных. Если бы было наоборот, то Индия и среднеазиатские республики до сих пор находились бы в колониальной зависимости. Неоднозначно отношение коренного населения к нахождению на территории ранее свободных государств инородцев – иноверцев. Общества колониальных стран, приняв «чужих» в свое жизненное пространство, стремительно дифференцируются. Представляется, что основой такого разделения национальной культуры, религия, мораль. Х. Шрадер указывает на то, что «...благодаря глобализации национальная идентичность и внутренняя мораль теряют свое значение» [1, с. 57].

Вышеприведенное утверждение не совсем соответствует действительности, так как определенная часть людей с радостью принимает поверхностную атрибутику инородной культуры, стремится подражать ей, а другая прочно держится за национально-культурные традиции. Данная часть народа как бы уходит во внутреннюю эмиграцию. Впоследствии именно эта консервативная интеллигенция (М. Ганди) оказывается в авангарде борьбы за политическую независимость.

Неизменным спутником глобализации становятся фрагментация и локализация. Мировой социальный организм разделяется на «мировую деревню» и «мировой город», а территории, не представляющие интереса для глобализаторов, вообще выпадают из современного исторического процесса (Сомали). Коренное отличие современной социально-экономической трансформации от предыдущего военно-колониального периода состоит в том, что осуществляется с согласия политических элит государств — объектов глобализации.

Х. Шрадер полагает, что: «По ту сторону современности выкристаллизовывается иной порядок..., образование различных супранациональных пространств» [1, с. 60]. Образование мультинациональных социально-политических структур (Европейский Союз) порождает проблемы межкультурного взаимодействия и толерантности, которые могут быть адекватно решены, по мнению его идеологов, только посредством формирования некоей наднациональной идентичности. Общеизвестно как решалась такая непростая задача на геополитическом пространстве бывшего СССР, в который входило пятнадцать национальных государств и около ста этнических культур.

Ведется поиск общеевропейских ценностей (European Values), которым предстоит играть роль всеобщего идентификатора: «К началу XXI века исторический опыт все яснее определяет европейскую цивилизацию — рационализм, личностный потенциал развития, гражданские, юридические, экологические и базовые моральные принципы» [2, с. 37]. Однако мы убеждены, что американоцентризм США и европоцентризм ЕС изначально лишены интегративного потенциала, которым их стремятся нагрузить. При таком подходе ценностно-нормативный хаос, в котором пребывает Европа, да и все мировое сообщество, будет устранен еще не скоро.

Глобальной задачей современного обществознания является выявление предпосылок постмодерна и сущностных характеристик его отражения в общественном сознании — постмодернизма. В данной работе, не вдаваясь в детальный историко-философский анализ эволюции глобализации и постмодерна, представляется возможным остановиться лишь на некоторых сущностных перенных данной задачи.

Мы не считаем дискуссию в обществознании относительно природы и движущих сил, обусловивших переход от эпохи модерна к эпохе постмодерна, плодотворной. В данном отношении общепризнанным считается утрата доверия к разуму и науке, которые были системообразующими конструктами классического модерна конца XIX и начале XX века. Хищное всевластие капитала развело высокие идеалы и Возрождения и Просвещения. Ф. Ницше одним из первых подверг суровой критике социокультурную составляющую модерна, убедительно показав ее неподлинность, несоответствие провозглашенным ранее идеалам всеобщего равенства, братства, свободы, процветания.

Религия, мораль, искусство, наука под жерновами всемогущего капитала превратились в собственную противоположность. Очевидно, что крупное промышленное производство требует унификации, усреднения рабочей силы, а приобретаемая экономическая и военная мощь направляется политическими элитами не на повышение благосостояния народа, а на подготовку и осуществление войн. Яркий пример тому довоенная Германия, десять лет открыто наращивавшая военный потенциал, хотя после Первой мировой войны на нее Версальским договором были наложены ограничения в сфере вооружения.

США, Англия, Франция смотрели на военные приготовления Германии сквозь пальцы, легкомысленно рассчитывая, что Гитлер, как их послушный цепной пес, уничтожит только ненавистный бывший СССР. Более того, фашистская Германия нашла единомышленников и союзников в лице Италии и Японии. Данный исторический экскурс сделан нами для того, чтобы показать всю нерациональность, бессмысленность мирового социально-политического процесса в 30–40 годы прошлого столетия: преступное попустительство Франции, США, Англии привело к милитаризации Германии, а впоследствии к неоправданной атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Предательством дела мира был закулисный сговор Сталина с Гитлером относительно раздела Польши; покрыто историческим позором невмешательство тогдашних основных игроков, когда Гитлер оккупировал почти всю Европу. Мы убеждены, что не только гитлеровская Германия виновна в развязывании Второй мировой войны, а весь политический бомонд того времени. За недалновидное его соглашательство и попустительство, за беззастенчивое предательство интересов собственных стран потом сполна было заплачено Освенцимами и Дахау, бомбардировками Лондона, пятьюдесятью миллионами жизней, уничтожением десятков тысяч городов и деревень, разрушением мировой социально-экономической инфраструктуры.

Напрашивается вопрос: «Можно ли назвать предвоенный этап исторического процесса разумным?» Кто раскаялся в собственной глупости и политической недалновидности? Кто публично попросил прощения у своего народа за понесенное горе? Чемберлен и Молотов, подписавшие предательские договоры с гитлеровской Германией сохранили свои политическое реноме и не понесли

никакого наказания, хотя именно они нажали на спусковой крючок Второй мировой войны.

Тоталитарный режим бывшего СССР рассматривал свой народ не как самодостаточных людей, обладающих правом на жизнь, свободу, достойное существование, моральную автономию, а как человеческий материал, пригодный для использования в амбициозных целях. Сталинская стратегия ведения боевых действий была бездарной и бесчеловечной. Обратной стороной патристического лозунга «Не отдадим и пяди родной земли врагу» была тактика закрепления войск на невыгодных рубежах — это приводило к последующим неоправданным потерям, поскольку враг занимал господствующие высоты.

Анализируя «философско-социологическое содержание постмодерна», А. Нилов вполне резонно приходит к выводу о том, что именно ужасы Второй мировой войны, которым не противостояла вся гуманистическая культура человечества, включая и религию, положили решительный и окончательный конец эпохе модерна [3, с. 27]. Историческая трагедия заключается в том, что понесенные утраты невосполнимы никаким наказанием. До сих пор остаются нераскрытыми глубинные причины зарождения тоталитарных режимов, которые по своей социально-политической сути являются самоубийственными для народов-носителей, а также представляют реальную угрозу для мирового сообщества.

Бывший тоталитарный СССР постигла историческая смерть, фашистская Германия потерпела сокрушительное поражение и покрыла себя несмыслаемым позором. Однако ни народы их стран, ни все «прогрессивное человечество» не смогли предотвратить мировую войну. Неизвестны точные статистические данные относительно внутренних потерь бывшего «советского народа» за время политического господства «коммунистической» супердержавы — революция, гражданская война, три волны сталинских репрессий, голодомор, потери во Второй мировой войне.

История вынесла суровый приговор тоталитаризму, но человечество заплатило за это дорогую цену. Возникает закономерный вопрос: «Можно ли назвать разумной, рациональной и человеческой подобного рода историю?». Видимо, нет. «Недоверие к науке и разуму выразилось в романтической реакции в XIX веке и достигло апогея в XX веке в нищестии и бесчеловечных практиках фашизма и сталинизма» [3, с. 30].

Как это ни парадоксально, но в общественном сознании и общественном знании, человек остается непреходящей гуманистической ценностью. Просто теперь классический гуманизм модерна трансформировался в абстрактный гуманизм и уже не относится к конкретному социальному индивиду, а признает неотъемлемые права и свободы человека как такового. Наиболее полно современный правовой гуманизм воплотился в государственных конституциях и особенно абстрактно во Всеобщей Декларации прав человека, которая практически игнорируется ее первоначальными и последующими подписантами: «...постулирует самооценку человека, опираясь не на бытийные основания мира, а на сам факт существования человека» [2, с. 33].

Гуманистически не оправданный самообман человечества, провозглашенного одни ценностно-смысловые конструкты, а в реальной динамике их игнорирующего, приводит мировую социальную динамику в состояние этической дезинтеграции. Социально-этическое измерение послевоенного этапа исторического процесса аналогично рассмотренному выше политическому двуручничеству и аморализму, приведшему ко Второй мировой войне.

2. *Философский постмодернизм.* Не пытаясь дать всеобъемлющее освещение постмодернизма, мы совершим лишь краткий обзор его современного содержательно-смыслового пространства. Особый интерес представляет для нас гуманистическая составляющая постмодерна. Один из теоретических противников постмодернизма Д. Даттон попросту называет основные смысловые конструкты французских постструктуралистов интеллектуальным китчем (*verkitchen* — нем. китч, дешевка, нечто обесцененное) [4, с. 31]. Одним из «академических» обвинений в адрес пост-

модернизма является его теоретическая неопределенность. Рассматривая естественнонаучную аргументацию ортодоксов постмодернистов, якобы дающую научное обоснование подобной вольности, Д. Даттон считает ее неприемлемой. Попытки использования теорий квантовой механики и относительности, субатомной физики для обоснования неопределенности постмодерна, данный исследователь полагает научным паразитизмом и «...нервной тоской постмодернистов для достижения интеллектуальной респектабельности» [4, с. 25].

Опора на естествознание обусловлена тенденцией постмодернизма к некритическому заимствованию смысловых конструктов. К особенностям такого рода постмодернизма А. Ниловот относит антифундаментализм, эклектизм и эссеизм, которые не добавляют ему гносеологической солидности [3, с. 31]. Закономерен вывод Г. Кнабе — субъективность и волюнтаризм как принципы познавательной стратегии превращают постмодернизм в неакадемический интеллектуальный феномен, лишенный возможности постижения истинного знания [5, с. 959]. К. Х. Момджян полагает, что постмодернизм отвергает такие общенаучные методологические подходы классического модерна как бинаризм, холизм, логоцентризм, а В. Лукьянец считает, что: «Найпершою нормою етики постмодерну стає не метафізична істина, а повнота життя» [6, с. 299; 7, с. 13].

В соответствии с установкой на «смерть автора», постмодернизм отвергает признанные авторитеты, развязывая тем самым себе руки для нигилизма: «...отмена главной, стоящей выше любой другой, научной объективности порождает массу объективностей, несоизмеримых друг с другом» [8, с. 425]. Постмодернизм, исходя из пессимистической констатации хаотичности мирового социума, считает возможным его постижение в игровой форме. Современный постмодернизм З. Бауман считает второй волной скептицизма, поскольку гносеология постмодернизма основывается на отказе от метафизики, рационализма, эмпиризма [9, с. 54].

Этическому кредо постмодернизма свойственна духовно-нравственная амбивалентность. Эстетика постмодернизма основывается на субъективистском плюрализме, нездоровом интересе к безобразному, стремлении к превращению последнего в художественные артефакты, что ведет к его эстетизации и легитимизации [10, с. 486]. Интеллектуальная традиция постмодернизма привела к маргинализации обществознания: «В сфере сознания и культуры постмодерн дал толчок к созданию самой невероятной из лабораторий... экспериментирования и селекции различных социокультурных субстрат...» [11, с. 185].

Вышеобозначенные отличительные черты постмодернизма фрагментарны и не исчерпывают такой сложный феномен, коим является постмодернизм. В силу присущей ему познавательно-исследовательской парадигмы, постмодернизм не является строгим философским учением, с устоявшимся категорийным и понятийно-терминологическим аппаратом. А посему он представлен вереницей авторов, теоретико-методологические установки которых разнородны, разноплановы. Определенный познавательный потенциал содержится также в работах сторонников, последователей и противников постмодернизма. Мы полностью согласны с форсмажорным заключением одной из украинских сторонниц постмодернизма С. В. Куцупал: «Не існує загальної точки зору, здатної представити постмодернізм як єдине ціле, оскільки він дає уявлення про те, що людина не в змозі осмислити, що неможливо відтворити у людському досвіді» [12, с. 13].

При всем этом поражает сугубо беспристрастное отношение данного исследователя к такой констатации. Исходя из такого умозаключения, остается признать, что постмодернизмом открыты некие аспекты постмодерна, которые ранее были скрыты от социогуманитарного знания. Автор намеренно избегает означивания смысловых конструктов характеристиками объективной истины, заменяя их, наприклад, психологическим термином «представления». И неясно, какое предметное поле объективной действительности не поддается осмыслению, а тем более воссозданию в деятельности. Если имеется в виду необъятная

сфера ненаучного знания, то она уже прочно заняла свою нишу в интеллектуальном мировом пространстве. Маловероятно, чтобы речь шла о «черной дыре» всего непознанного. Скорее всего, автора приводит в восторг, прежде всего, якобы присущая постмодернизму, сверхтонкая диалектика нюансов, полутонов, причудливая мысленная эквилибристика.

В этой связи следует отметить, что большинство исследователей постмодернизма ограничивается констатацией неких его означающих, избегая оценочных характеристик, демонстрации своего отношения к излагаемому. В работах некоторой части авторов сквозит неподдельное восхищение перед философской экстравагантностью постмодернизма. В задачи данной работы не входит поиск причин такого лояльно-восторженного отношения к постмодернизму, в то же время представляется целесообразным разделить данный корпус верных наблюдателей на две части. Видимо, старшее поколение, уставшее от пресного исторического материализма, научного коммунизма и атеизма с энтузиазмом погружается во все новое и оригинальное. Поколение же исследователей, выросшее в эпоху развитого постмодерна, просто не мыслит иного методологического инструментария.

Осуществленный нами экскурс в проблемное поле философского постмодернизма располагается, в основном, на негативном полюсе смыслового континуума. Теперь остановимся на позитивном ценностно-смысловом полюсе постмодернизма. Задача несложная, поскольку постмодернистский позитив занимает весьма скромное место в дискурсе его апологетов. Так К. Х. Момджян, рассматривавший потребностно-возможностный континуум смыслового пространства постмодернизма, пришел к выводу о том, что его радикальный гуманизм заключается в утверждении личного достоинства человека. Политику неким неведомым образом предполагается индивидуализировать и гуманизировать. В экономике должна быть социальная справедливость, обеспечены равные возможности для творческого труда, личного и профессионального роста. В социальной сфере постмодернизм провозглашает устранение неравенства, а также гуманное отношение к природному неравенству; в духовной – горой стоит за уникальную неповторимость, счастье и полную удовлетворенность субъекта [6, с. 59]. Г. Кнабе в постмодернизме отмечена ярко выраженная борьба против неравенства во всех сферах жизни: естественности, утверждение принципа индивидуальности, равенства культур, устранение дихотомии «своих» и «чужих» [5, с. 959].

На сакраментальный вопрос о реализуемости философии постмодернизма в социальной реальности убедительно отвечает его признанный авторитет Ж.-Ф. Лиотар: «Является ли целью современного проекта построение такого социокультурного единства, в недрах которого все элементы повседневной жизни и мышления найдут себе место, как в каком-то органическом целом? Или же тот проект, который надлежит пробить между гетерогенными языковыми играми – играми знания, этики и политики, – относится к иному строю, чем они сами? И если да, то каким образом сумеет он реализовать их действительный синтез коммуникативным консенсусом (и всеобщим кодом взаимопонимания, например – в форме исторического дискурса?)» [13, с. 315].

Выводы. Анализ исторического процесса в XX в. убедительно показывает, что он неразумен. Данное состояние геополитической динамики обусловлено сложной конфигурацией факторов, условий и предпосылок. Однако определяющими являются: недальновидность, беспринципность и аморальность политических элит основных субъектов мирового социально-политического процесса, приводящие к некачественному руководству внешней политикой, циничное игнорирование международно-правовых документов, ничем не оправданное соглашательство с агрессором. Одной из причин деструкции и антигуманизма мирового социального процесса является пассивность народных масс. Именно «молчаливое большинство» позволяет конституироваться тоталитарным режимам (фашистская Германия, бывший социалистический СССР).

Постмодернизм, как феномен постклассической философии, является адекватным выражением хаотичности мирового социума, которая наиболее полно проявилась в условиях коренной трансформации исторического процесса, экономической детерминантой которого стала глобализация. Постмодернизм, отринувший традиционный философский академизм, представляет в настоящее время разрозненную совокупность смысловых потоков, неспособных к формированию оригинальной парадигмы. Данное течение мысли не обладает реальным инновационным потенциалом, способным оказать позитивное воздействие на социокультурную динамику, и уже через последнюю – на политику, экономику. Постмодернизм подобен мулу, рожденному от лошади и осла, не способному к продолжению рода. В силу этого данный тупиковый социокультурный феномен изживет себя вместе с завершением того этапа исторического процесса, «сердцем и душой» которого является глобализация. На смену постмодернизму придет междисциплинарная мультипарадигмальная теория социогуманитарного знания, способная отринуть философскую игру в «модерн – постмодерн» и гуманистически преобразить общественные отношения.

Библиографические ссылки

1. Шрадер Х. Глобализации, (де) цивилизация и мораль / Х. Шрадер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 54–61.
2. Бородавкин С. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме / С. Бородавкин // Здравый смысл. – 2008. – № 2 (47). – С. 32–40
3. Нилогов А. Гуманизм – это постмодернизм / А. Нилогов // Здравый смысл. – 2005. – № 3 (36). – С. 25–31.
4. Даттон Д. Заблуждения постмодернизма / Д. Даттон // Литература и эстетика. – 1992. – № 2. – С. 23–35.
5. Кнабе Г. С. Роман Умберто Эко «Маятник Фуко» и обязанность предупреждать / Георгий Кнабе // Избранные труды: теория и история культуры. – СПб. : Летний сад; М. : РОССПЕН, 2006. – С. 952–961.
6. Момджян К. Х. Эволюция постмодернизма / К. Х. Момджян. – М. : Изд-во «Норма», 2005. – 928 с.
7. Лук'янець В. Постмодерн: філософія світоглядного розчарування / В. Лук'янець // Філософські обрії. – 2002. – № 7. – С. 3–15.
8. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 431 с.
9. Бауман З. Философия и постмодернистская социология / З. Бауман // Вопр. филос. – 1993. – № 3. – С. 46–61.
10. Философский энциклопедический словарь / Под. ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072.
11. Мягков Г. П. Старый позитивизм в эпоху «after-postmodernism'a»: ретроспективное измерение метода / Г. П. Мягков // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2005. Будущее России: стратегии развития». Новосибирск, 14–15 декабря 2005 г. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. – 289 с.
12. Куцепал С. В. Постмодернизм – зваблива та нерозкрита тасмниця / С. В. Куцепал // Філософські обрії. – 2009. – № 21. – С. 3–14.
13. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? / Ж.-Ф. Лиотар // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М. : Ad Marginem, 1994. – С. 307–323.

Надійшла до редколегії 20.01.11